

Языкопознание

04.09.2009 / 04:55 [Татьяна Юмашева](#)

Дочь первого президента России Татьяна Юмашева рассказывает читателям «РП», почему она решила выучить французский язык, почему для их с Валентином Юмашевым дочери Маши родными стали английский, французский и русский. Но главное, читателю после этой колонки становится ясно, что такое любовь.

Я сама учу английский язык уже 25 лет. Как все мы учили. Я закончила физматшколу, где английский рассматривался не очень серьезно, как побочный предмет. Потом факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ, где учили переводить с английского со словарем. Ну а потом, когда в начале девяностых оказалась первый раз за границей, стало понятно, что английский я не знаю. И пошли курсы — с погружением, без погружения, в группе, индивидуально, с перерывами... Да, сейчас я могу объясниться на любую тему, я читаю, понимаю англичан, но все равно ощущения легкости, которое мне бы хотелось иметь, нет. Поэтому к языкам у меня, я бы сказала, особое отношение.

И как-то я прочитала статью о том, что ребенок до девяти лет может впитать пять языков, не уча их, а просто находясь в языковой среде. И необязательно, чтобы ребенок жил в стране, где говорят на этом языке. Достаточно того, чтобы рядом с ним был человек, для которого этот язык – родной. И когда у нас семь лет назад родилась Маша, мы решили поставить эксперимент. Мы пригласили в Москву английскую няню. И в год Маша одновременно начала говорить и по-английски и по-русски.

Когда дочери исполнилось два с половиной, к английской няне прибавилась француженка. Молодая девушка, которая разговаривала с Машей только по-французски. Первое время Маша молчала. Она говорила только «бонжур» и «мерси». А через месяц ее прорвало! Она говорила по-французски свободно и без акцента. И когда я слышала, как они друг с другом разговаривают, я наслаждалась музыкой языка. При этом я ничего не понимала, о чем они там говорят, смеются, может, секретничают... Я поймала себя на том, что начинаю завидовать собственной трехлетней дочери. А она прямо на глазах говорила все лучше и все быстрее.

Мне было ужасно обидно за себя. И я стала брать уроки французского. Не у няни, конечно. У преподавателя, регулярные уроки. И на мое удивление, этот язык пошел и легче, и приятнее, и быстрее, чем английский. Мне хотелось говорить на французском. Я говорила, мне это безумно нравилось, я делала ошибки, и меня это не раздражало, я не комплексовала. На английском для меня важно сказать фразу без ошибки, я подбираю правильное время глагола, слежу за порядком слов, когда задаю вопрос, я уж не говорю про phrasial verbs, в общем, я не просто говорю, я работаю. Нет легкости. А во французском, который я знаю на порядок хуже, мне спокойно, легко.

Мне кажется, по структуре французский язык намного ближе к русскому. В английском фраза строится гораздо строже. Во французском намного больше свободы — как и в русском.

В какой-то момент я начала говорить по-французски и с Машей и с ее няней. Просила, чтобы меня поправляли. Маша это не делала, а няня — с удовольствием. Я использую каждую возможность поговорить по-французски с носителем языка. И только если предмет очень серьезный, например, что-то с медициной или деликатная тема, я перехожу на английский.

Иногда мы развлекаемся с Машей, зная, что Машин папа по-французски ни слова. За завтраком, например, мы говорим о чем-нибудь, а Вале предлагаем угадать, о чем идет речь. Это очень забавно: он, конечно, попадает пальцем в небо, Маша заливается смехом. Но интересно, что иногда он угадывает. Мы не знаем как, наверное, интуитивно. Но тяжелее всего было моей маме, когда она оставалась одна с Машей и ее няней. Она не говорила ни по-английски, ни по-французски, поэтому переводчицей у нее становилась Маша. И все мои попытки воодушевить маму начать учить английский натывались на одну фразу: «В 75 не начинают».

Однажды мы оказались на приеме за одним столом с четой Киссинджер. Разговорились про языки. И жена господина Киссинджера — а ей тогда было за 80 — пожаловалась мне, что год назад начала учить испанский и что он ей очень тяжело дается. Она с трудом запоминает слова, приходится повторять по сто раз. Я сказала, что очень ее понимаю. У меня та же проблема, тогда я как раз только начала свой французский. Меня это приятно поразило. Я рассказала об этом своей маме. Она мне ответила, что у кого-то есть способности к языкам, а у нее нет. И ни в какую не хотела даже пробовать. Но однажды я пригласила очень опытного пожилого английского преподавателя, он не знал ни одного слова по-русски, но целый урок они смогли как-то объясняться, и после этого мама поверила в себя. И она начала учить английский. Правда, попросила русского педагога, я убеждала ее, что с носителем эффективнее, но она говорит, ей все-таки нужно первое время кое-что объяснять по-русски. Я очень рада, что она втянулась. Ведь кроме практической пользы это прекрасная тренировка для памяти. А какое огромное удовольствие, когда появились первые результаты!

Возвращаясь к моему французскому. Я начала читать. Пока еще плохо понимаю фильмы, песни. Но когда с французами начинаю говорить на своем несовершенном французском, они просто расцветают и прощают все мои ошибки.

У Маши русский, французский и английский сейчас примерно в одинаковом состоянии. Она говорит без акцента, читает по-французски чуть похуже, потому что я не хотела путаницы, и она стала читать сначала по-русски, потом по-английски и только после — по-французски. Сейчас начали учить немецкий. Это — не для меня. Может быть, Валя захочет поучаствовать... Я представляю себе эту картину за завтраком: он с Машей обсуждает погоду за окном, а я пытаюсь угадать, действительно ли ей не нравится каша на молоке... Маше сейчас семь лет. И я понимаю, что она поздновато начала учить немецкий. Она уже учит во время уроков, к нам приходит преподаватель, а не впитывает в себя этот язык, как впитывала английский или французский. То есть мы немного опоздали.

Когда мы с Машей обсуждаем, какой язык у нее будет следующий, я предлагаю китайский или японский. А Маша думает про итальянский или испанский. Говорит, они оба очень красивые.

У нас с Машей есть особое время, уже после того, как мы прочитаем книгу перед сном, потушим свет и говорим на любые темы. В эти моменты я иногда узнаю самое сокровенное про свою дочь. Однажды я спросила ее неожиданно для себя:

— Маша, как ты думаешь, что самое главное в жизни?

Спросила и начала думать, что я бы сама ответила. Подумала — любовь. Жаль только, что она поймет об этом потом. Она долго думала. Я даже решила, она заснула. И вдруг она сказала:

— Любовь.

Мы разговаривали на русском.

Материал опубликован в журнале "Русский пионер" №9

Ruspioneer.ru